

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Анри де Врис, богатый исследователь

Серена, знатная туарегская женщина, жена графа Анри де Вриса,
сестра Эль-Хаджа Ахмеда

Жюль де Врис, полковник Императорской гвардии, брат графа
Анри де Вриса

Элизабет де Врис, жена Жюля де Вриса

Мусса Мишель Келла де Врис, сын графа Анри де Вриса и Серены

Поль де Врис, двоюродный брат Муссы де Вриса

Махди, сын Эль-Хаджа Ахмеда, племянник Серены, двоюрод-
ный брат Муссы

Даия, молодая женщина из племени туарегов

ПРОЧИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Во Франции

Делеклюз, офицер франтирёров

Гаскон Вилье, слуга графа Анри де Вриса

Сестра Годрик, учительница Муссы и Поля де Вриса в школе при соборе Сен-Поль

Мариус Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура

В Сахаре

Абдулахи, пленник Джубар-паши, друг Муссы де Вриса

Ахитагель, аменокаль туарегов во времена экспедиции Флеттерса

Аттиси, знатный туарег, претендент на титул аменокаля

Подполковник Поль Флаттерс, руководитель французской экспедиции, проводящей изыскания на предмет строительства транссахарской железной дороги

Эль-Хадж Ахмед (абба), аменокаль туарегов

Эль-Хусейн, посол при дворе султана Марокко, муж сестры Джубар-паши

Хаким, помощник Поля де Вриса

Джубар-паша, правитель Тимимунa

Люфти, раб Муссы де Вриса, муж Шади

Мелика, медсестра в миссии «Белых отцов»

Тамрит, поклонник Серены, фанатичный приверженец секты сенусситов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Франция
1866 год

ГЛАВА 1

— Там дети! Не стреляйте!

Но было поздно. Раздался выстрел, и охотник почувствовал отдачу в плечо. Он стрелял на большое расстояние, до цели было метров сто пятьдесят, если не больше. Он практически не видел кабана, скрытого игрой солнечного света и теней на листьях отдаленных кустов. Глаза охотника были устремлены в небо и сосредоточены на графском соколе, но боковым зрением он заметил в кустах движение, и вот — громадный кабан, давящий копытами желуди. Поистине королевский трофей. Не кабан, а настоящий дьявол, олицетворение зла. Кабаны в здешнем лесу — редкость. Охотник немедленно решил стрелять.

Другой на его месте позаботился бы о более благоприятных условиях выстрела, чтобы не промахнуться или, хуже того, просто не ранить зверя. Внушительное расстояние обуславливало разницу между хорошим и впечатляющим выстрелом; выстрелом, неопределенность которого будоражила еще сильнее; выстрелом, которым потом можно месяцами хвастаться в питейных заведениях. Охотник был уверен, что у него получится, поскольку знал свое оружие. То была новая армейская винтовка с поворотным затвором. Длинный ствол обеспечивал невиданную доселе степень точности. Тысяча тренировочных выстрелов позволила охотнику в совершенстве овладеть прицеливанием.

Он поднял винтовку и навел на цель. Крик графа задержал его, но лишь на мгновение. Охотник взял цель на мушку и выстрелил. Пуля не успела вылететь из ствола, а охотник уже знал: получилось. Ему не требовалось слышать или видеть результат выстрела; он просто *знал*. Секундой позже его уверенность подкреплена хлопком и пронзительным ревом боли. Последовал вихрь движения, и зверь скрылся в кустах.

Охотник взволнованно крикнул. К черту этого графа! Ей-богу, он подстрелил кабана! Кабана! Скоро он увидит свою добычу, и это будет не какой-нибудь жалкий рябчик. Не поворачиваясь к другим и в особенности не желая встречаться взглядом с графом, охотник помчался по вырубке.

Граф Анри де Врис принимал гостей из Географического общества, которые пожелали увидеть древнее искусство соколиной охоты. Многие поколения семьи графа владели этим искусством. Они охотились на землях, прилегающих к поместью.

Анри увидел кабана раньше охотника. Не веря своим глазам, он смотрел, как его гость вскинул винтовку. Неужели этому глупцу невдомек, что поблизости играют дети? Когда же он услышал крик раненого кабана и увидел, что зверь кинулся в кусты, худшие опасения графа подтвердились.

Кабан превратился в бегущую смерть.

Не обращая внимания на гостей и своего сокола, парящего в небе, Анри побежал к лошади. Кабан всегда опасен, но, раненый, он становится непредсказуемым и смертельно опасным. Противостоять ему не сможет никто, даже вооруженный всадник. Пока кабан жив и способен двигаться, он будет нести смерть.

Граф вскочил на лошадь, которая знала хозяина и тоже почувствовала опасность, а потому рванулась с места раньше, чем Анри оказался в седле. Граф напрямик двинулся туда, где скрылся кабан, взяв курс на дальнюю вырубку. Всадник и лошадь стремительно понеслись под золотистыми дубами и вязами обширного Булонского леса, некогда бывшего охотничьими угодьями королей Валуа.

Серена, жена Анри, сидела в тени раскидистого дерева и, поглощенная своим занятием, не обращала внимания на происходящее вокруг. Раньше она бы примкнула к охоте, устроенной Анри. Но сейчас у этой женщины, родившейся в пустыне и принадлежавшей к племени туарегов, было другое занятие. Втайне от мужа она училась читать на французском, его родном языке. Анри пока об этом не знал. Она самостоятельно нашла себе преподавателя из лица Людовика Великого в Париже и долгими часами тайком занималась с ним, а затем продолжала самостоятельные занятия. Постепенно в ней проснулась любовь к чтению. Каждое произведение

усиливало ее увлеченность этим процессом. Темы значения не имели. В библиотеке Анри была собрана богатейшая коллекция научных журналов. Серена постоянно натывалась на незнакомые слова, смысл которых был ей непонятен, но в библиотеке мужа хватало романов, статей и очерков. Их слова звучали для нее как музыка, и открытие новых миров доставляло ей почти мистическое наслаждение.

У Серены появилась вдохновляющая идея. Близился день рождения Анри. Когда этот день наступит, они оставят Муссу дома, а сами поедут в лес, к уединенному водопаду на границе владений. Она возьмет корзинку с угощением, выберет солнечное местечко, постелет одеяло... нет, много одеял, если будет холодно, и нальет мужу бокал вина. Он положит голову ей на колени, а она станет ему читать, наслаждаясь удивлением и радостью, которые обязательно появятся в его глазах. Потом они займутся любовью. Серена продумала тот день до мельчайших подробностей, и это доставило ей огромное удовольствие. Она с еще бóльшим усердием стала упражняться в чтении, чем и занималась сейчас, поглощенная романом Виктора Гюго.

Внезапное появление графа выбило ее из идиллического времяпрепровождения.

— Мальчики! — крикнул он, приближаясь к жене. — Где мальчики?

Серена ничего не знала о произошедшем, но взволнованность мужа передалась и ей. Она торопливо огляделась по сторонам. Она видела ребят играющими поблизости... Когда? Четверть часа назад? Раньше? Она толком не знала. Стоял тихий осенний день. Совсем недавно ребята находились рядом, играя возле ствола поваленного дерева. У взрослых не было причин тревожиться за их безопасность. Мальчики постоянно играли в лесу. Но сейчас, когда Сереной овладели страх и чувство вины, она поняла, что не знает, когда видела ребят в последний раз и куда они могли убежать.

Обезумевший громадный кабан неся через заросли дубняка.

Пуля сломала ему ребро и пробила легкое. Каким-то чудом она не задела главные кровеносные артерии, однако легкое наполнилось кровью. Дыхание зверя было жарким и натужным, а усилия, растрчиваемые на быстрый бег, только приближали его конец. Но конец так и не наступал, хотя прошло уже достаточно времени. Со-

брав силы, кабан побежал дальше, вперед, только вперед. Он двигался зигзагами, норовя уйти подальше от своего преследователя.

Затем кабан ненадолго остановился. Его грудь тяжело вздымалась, а сердце лихорадочно стучало. Это был огромный, устрашающего вида зверь. Даже сейчас, в предсмертной агонии, его чувства оставались острыми. Он прислушивался, принохивался, присматривался, являясь олицетворением угрозы. Его уши были прижаты к голове, морда почти касалась земли. Инстинкт и давняя привычка заставляли его ударять верхними клыками о нижние, заостряя те и другие. Никто не сумел бы сказать, как поведет себя в подобных обстоятельствах кабан. Может, заляжет и будет дожидаться преследователя, с которым вступит в смертельный поединок. Если его не окружают собаки и всадники, попробует убежать. Или же от смертельной раны и невыносимой боли делается непредсказуемым и накинется на другого кабана или любую живность, попавшуюся на дороге.

Добыча вслушивалась и слышала охотника. Человек двигался напролом, тяжело ступая по ковру листьев, устилающему землю в осеннюю пору. Возбужденный, с винтовкой наготове, охотник бежал по кровавому следу, и густые заросли не были ему преградой. Неожиданно охотник зацепился сапогом за ветку и споткнулся. Ценной неимоверных усилий он устоял на ногах и в этот критический момент, борясь за сохранение равновесия, увидел кабана. Охотник знал, что зверь где-то поблизости, где-то совсем близко. И тут мозг обожгло мыслью: «Пропал!» Винтовка утратила нужное положение. Предотвращая падение, он взмахнул ею, и теперь ее ствол был повернут в сторону и глядел вниз.

Кабан бросился ему навстречу. Охотник вскинул винтовку и, не целясь, выстрелил, поспешив на какую-то долю секунды. Пуля застряла у кабана в плече, но зверь не остановился. Одним могучим ударом он пропорол охотника от пупка до шеи. Смерть наступила беспечного стрелка раньше, чем его тело рухнуло на землю.

Кабан остановился. Он тяжело дышал. Новая рана отдавалась пульсирующей болью и кровоточила. Шкура покрылась потом. Зверь поднимал и опускал голову, словно это могло потушить внутренний огонь. Затем побежал дальше. Стальной ствол винтовки, на который он наступил, согнулся под тяжестью его тела. Из-за второй раны кабан бежал с заминками, но у него оставалось еще достаточно сил.

Достигнув вырубки, он снова остановился, услышав будоражащий звук. Красными безумными глазами зверь посмотрел в ту сторону, откуда донесся звук. В отличие от слуха и обоняния, зрение у кабана не отличалось остротой, но сквозь дымку, сквозь боль и терзания умирающего тела он разглядел фигуры двоих мальчишек, играющих у подножия дерева. Зверь опустил голову и двинулся на них.

К немалому изумлению Поля, его двоюродный брат Мусса молчал на муравейник. Масса черных муравьев стремилась укрыться от внезапно хлынувшей струи. Они ныряли в отверстия муравейника, прятались под листьями и старались как можно быстрее покинуть опасное место. Поль тут же присоединился, и вдвоем они рассеяли целую армию, с наслаждением глядя, как упорядоченное, целенаправленное движение муравьев превращается в хаотичное. Злорадно улыбаясь, Поль видел, что далеко не всем муравьям удастся спастись.

— Тупица! — крикнул он, стараясь утопить очередного муравья. — Надо было учиться плавать!

— Или запастись зонтиком! — со смехом добавил Мусса.

— Или лодкой!

Ребята смеялись, продолжая поливать муравейник, пока струи мочи не иссякли.

Обоим мальчикам было по шесть лет. Несколько минут назад им удалось выскользнуть из-под наблюдения матери Муссы. Они хорошо знали здешний лес и сейчас направлялись в свое личное королевство. Никто из взрослых не знал о его существовании, за исключением Гаскона, слуги графа. На огромном раскидистом дубе у них был построен секретный дом. Даже не дом, а красивый замок со смотровыми башнями, окнами и парапетами, с которых можно было следить за каретами, проезжавшими по дороге вдоль берега озера. Порой мальчикам удавалось лицезреть самого императора — могущественного Наполеона III. Дорога проходила так близко от замка на дереве, что ребятам были видны тонкие напояженные кончики его усов. Карету окружал внушительный эскорт сангардов, конных стражей императора в голубых мундирах, шлемах с плюмажем и сапогах, начищенных до умопомрачительного блеска. По этой дороге ездили в красивых каретах или верхом на великоколенных лошадях. Иногда проезжала процессия императрицы Евгении, сопровождаемой конюшими и придворными обою пола. То-

гда мелькали камзолы с обилием украшений, шляпы с перьями, бархат, кружева.

Это было завораживающее зрелище, и мальчики, находясь на своей законной земле, поглядывали свысока на императора и правили своим, только им известным миром.

Гаскон построил замок из досок и дощечек, похищенных из поместья. Внутри ребята украсили замок бархатными порттьерами, стащив их из спальни Элизабет, матери Поля. Она не знала, куда исчезли порттьеры, а Гаскон хранил молчание. Это и к лучшему. После ребячьих затей и визитов белок порттьеры уже не годились для использования по назначению. Поль с Муссой позаботились и о мебели для замка. Сначала там появился стул, затем еще два, потом столик и медная лампа из библиотеки графа. Правда, зажигать лампу Гаскон им не разрешал. С большим трудом они приволокли наверх целый ящик книг из библиотеки. И тогда Гаскон положил конец дальнейшим хищениям. Он знал пределы терпения графа.

Лестницы, ведущей в замок, не было. Только потайные опоры для рук и ног, и местонахождение этих опор требовалось знать. Естественно, Мусса и Поль это знали, равно как и Гаскон. Все трое являлись полноправными членами Клуба Великой армии. Они проводили тайные встречи, у них имелись секретные коды, и их крепость обладала внушительным арсеналом. Гаскон пятнадцать лет прослужил в Алжире, в Первом уланском полку. Он знал все виды оружия и умел ими пользоваться. Арсенал замка на дереве тоже был делом его рук. Гаскон изготовил превосходную коллекцию деревянных мечей и щитов, покрытых корой, а также кинжалов, вырезанных из дуба. Он научил ребят обматывать эфесы мечей бечевкой, чтобы не скользили в руке; показал, как накладывать слои коры на щиты, чтобы удары самого тяжелого меча приходились на одну сторону и не вредили защищающемуся. Свои кинжалы мальчики хранили в оружейных сумках. Были у них и шлемы, сделанные из жестяных молочных бидонов.

Мусса и Поль обустроивали замок под рассказы Гаскона о древних временах, о рыцарях, драконах, далеких краях и сражениях королей, императоров и римских пап. Притихшие, с широко открытыми глазами, они слушали рассказы старшего друга о Сахаре, дровишах, дьяволах и джиннах. А еще Гаскон умел показывать фокусы. Ребята смеялись, видя, как у них из-за ушей появляются сверкающие монеты, а из пупков выпрыгивают кузнечики.

Гаскон учил их лазать по деревьям и плавать. Он часами копал ров вокруг их замка. Мальчики помогали. Ров имел форму круга, опоясывая дерево с замком и довольно большой прилегающий участок. К концу лета сооружение рва было завершено. Через него проложили мостики из веток, где у прибывших требовали пароль. На дне рва находились искусно выложенные фигуры из камней. Если смотреть на них под правильным углом, они превращались в крокодилов, пожиравших непрошенных гостей, сборщиков податей и рыцарей злобного королевства. Иногда ребята покрывали ров ветками и листьями, добавляя земли, и тогда он превращался в настоящий лабиринт. Появлялись туннели с потайными люками и проходами, ведущими в разные стороны от их замка. С поверхности все это было почти незаметно. На прошлой неделе Гаскон подарил мальчишкам новую забаву — длинную крепкую веревку, привязанную к надежной ветке. Веревка заканчивалась подобием стремени, что позволяло зависнуть над озером и высматривать пиратов. По словам Гаскона, вскоре они смогут, раскачавшись на веревке, отпускать ее над озером и лететь в воду.

Все эти затеи отнюдь не были спонтанными, как могло показаться. Игры и импровизации подчинялись определенному методу, а устройство подземелий и сражения с захватчиками имели в основе своей некий план. Граф считал, что воспитание и образование мальчиков на данном отрезке их жизненного пути должны преследовать ряд четких целей, которые он изложил Гаскону. Тот был только рад исполнить повеление своего господина, поскольку любил ребят и сам с наслаждением участвовал в их играх. В повествованиях о лесе Гаскон искусно вплетал магию, а во время нескончаемых «походов в разведку», когда ребята высматривали чудовищ или двуногое ворье, развивал у них проворство, быстроту реакции и чувство ответственности. Возможно, больше всех это доставляло удовольствие самому Гаскону, пробуждая воспоминания о собственном детстве, которое он провел на юго-западе Франции. Но у него не было отца, подобного графу, и поместья с просторными угодьями.

Члены Клуба Великой армии единодушно считали мир совершенным, а свое королевство — еще прекраснее.

Закончив поливать несчастных муравьев, Мусса и Поль уже собирались пересечь ров и забраться в замок.

Поль первым услышал отдаленный грохот, похожий на гром. Повернувшись, он увидел источник грохота со щетиной, копытами

и клыками. Этот живой источник урчал, шуршал листьями и двигался прямо на Муссу. Поль подумал, что это дракон. Воображение сделало зверя летящим, с огнем в глазах и мыслями об убийстве. Зверь ревел, словно настоящий дракон.

Мусса, в этот момент находившийся между Полем и кабаном, увидел, как брат с глазами, полными ужаса, на что-то указывает. Посмотрев туда, Мусса застыл.

Взрослые мужчины могут годами учиться охоте на кабана, причем за некоторые уроки им приходится платить непомерную цену. Они готовятся, вооружаются, подбирают себе надежных друзей и таких же надежных лошадей, предусматривая все мыслимые способы защиты от опасного зверя. И вот наступает долгожданный момент проверки их знаний, навыков и приготовлений. Не раз случалось, что даже у самых смелых и опытных поджилки тряслись, стоило им увидеть кабана, готового биться за свою жизнь. Страх безжалостно проверял их подготовленность и способность действовать. Немало охотников погибло, не пройдя проверку.

Было бы излишне ожидать от двоих малолетних мальчиков каких-то осмысленных действий. Застыв, оба в ужасе смотрели на несущегося зверя и ждали конца. Они и вообразить не могли, что подобные существа водятся в реальном мире. Только в самых невероятных и захватывающих историях Гаскона, но даже он никогда не рассказывал им о столь ужасных тварях.

И все-таки Поль не растерялся, проявив удивительное присутствие духа.

— Беги! — крикнул он брату.

Мусса продолжал стоять как вкопанный.

— Беги! — вновь крикнул Поль, и снова его крик не возымел действия.

Кабан был совсем рядом с Муссой. И тогда Поль бросился вперед и изо всех сил толкнул брата в ров, а затем прыгнул туда сам.

Этот толчок спас Муссе жизнь, иначе кабан вспорол бы ему живот, а так вместо лобового удара последовал боковой. Сил, остававшихся у кабана, хватило, чтобы подбросить Муссу в воздух. Мальчик перелетел через ров и, словно мешок, упал на землю, потеряв сознание. Из раны текла кровь.

Достигнув края рва, кабан резко остановился. На дне лежал Поль. Взглянув вверх, мальчик увидел жуткую морду с зубами и клыками. Он израсходовал весь свой запас смелости. Его хватало лишь на то, чтобы свернуться комочком и шумно всхлипнуть.

Раны кабана все сильнее давали о себе знать, но могучий зверь держался за счет глубинных резервов, подхлестываемых адреналином. Он пока еще был жив. Ров не позволял ему продолжить атаку. Кабан лихорадочно бегал взад-вперед, сердито щуря глазки и высматривая способ добраться до Поля или до Муссы.

У дальнего конца дерева кабан увидел твердую почву, тропку, ведущую прямо к окровавленному Муссе.

Кабан опустил голову и побежал туда.

В тот самый момент по дороге, которая тянулась вдоль противоположного берега озера, проезжал монсеньор Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура. Он возвращался в свой дворец после аудиенции у императрицы Евгении. Настроение у епископа было приподнятое. Аудиенция прошла на редкость великолепно. Из всех беспокоящих душ Тюильри, требовавших его пастырской заботы, императрица была самой податливой, самой католической и богобоязненной. К тому же наиболее восприимчивой к его увещаниям. Нынче влияние епископа на императрицу достигло нового, небывало высокого уровня. Евгения доверила ему учреждение международного фонда по сбору средств на реконструкцию храма Гроба Господня. Монсеньор Мюрат едва сдерживал ликование. Императрица сделала это при большом скоплении придворных и посетителей, что только повысит его статус в глазах гостей и хозяев великосветских парижских салонов. Доверие Евгении еще больше облегчит ему продажу влияния и дарование милостей, хотя епископ и так успел стать мастером подобных дел. Дворец Тюильри он покидал с ощущением, что за время аудиенции прибавил в росте.

День выдался погожим: солнечным, в меру прохладным и радующим глаз красками осени. Чтобы отпраздновать свой успех, епископ велел кучеру ехать по новой дороге через Булонский лес, любимому детищу императора, который лично часами планировал расположение аллей и дорожек, вникая в мельчайшие подробности осуществления собственного замысла. Задуманный облик Булонский лес обретет лишь через несколько лет, но весь Париж уже любил это место, в особенности епископ, чья епархия граничила с Булонским лесом.

Мюрат ехал в великолепной карете, равных которой во Франции раз-два и обчелся. Эта карета предназначалась для хорошей погоды. Для плохой у него имелась другая, похожая на эту, но защищавшая от природных стихий. Помимо упомянутых, в каретных

сараях епископа было еще шесть экипажей. Карета имела позолоченные колеса, спицы которых напоминали крылья ангелов. Ее тянула четверка лошадей, с плюмажами из страусиных перьев и шелковыми попонами. Карета была изготовлена из латуни и палисандра и инкрустирована перламутром. На задней стенке красовался золотой епископский герб. Над каждым колесом, надежно защищенные восемью слоями полированного лака, располагались миниатюрные картины маслом, изображающие сцены на библейские сюжеты: Тайная вечеря, Нагорная проповедь, Святой Антоний, терзаемый демонами, и Святой Петр, получающий ключи от Царства Небесного. Над постройкой и росписью кареты более года трудились четырнадцать лучших мастеровых и художников из близлежащих мест. Ее стоимость обошлась епархии в сто тысяч франков. Чтобы на нужды епископа Булонь-Бийанкура пожалели средств — такое случалось редко. И не важно, касалось это его карет, одеяний, личных покоев или развлечений, которые он с поразительной щедростью изливал на себя и наиболее достойных своих гостей.

Карета была лишь малым отражением appetitов прелата, столь же внушительных, как и он сам. Мюрат отличался изрядной полнотой и носил просторные одежды фиолетового цвета, складки которых почти не скрывали его тучности. На шее у него висел золотой епископский крест. Пухлые пальцы украшали сказочно красивые перстни с опалами, бриллиантами и рубинами.

Сегодня епископ ехал один на заднем сиденье, глубоко утопая в роскошных малиново-красных подушках, сшитых специально под его телеса. Из плетеной корзинки он извлек кусок жареного цыпленка и налил вина из бутылки, стоявшей в специально изготовленном футляре. Епископ шумно облизывал пальцы и не обращал внимания на путников, лозящих его взгляд или незначительный жест благословения.

Неожиданно кучер епископа резко остановил лошадей. Он увидел кабана, затем ребят. Вся жуткая сцена на противоположном берегу озера происходила у него на глазах. Поначалу кучер не поверил, посчитав, что это ему привиделось. Но вскоре убедился: нет, не привиделось.

— Что там такое? — раздраженно спросил епископ, поскольку из-за внезапной остановки вино пролилось на его облачение.

— Там... кабан, ваше преосвященство. Дикий кабан! — ответил взволнованный кучер и указал на другой берег.

Мюрат равнодушно взглянул и увидел зверя, до которого было метров пятьдесят.

— Однако, — пробурчал епископ, — и в самом деле кабан. Поезжай дальше.

Из углубления в полу кареты кучер достал винтовку. Он всегда ездил вооруженным, так как всерьез заботился о безопасности епископа. Епархия состояла из сорока двух церковных округов и пятидесяти семи приходов в холмистом захолустье, где разное отребье не питало уважения ни к высоким должностям, ни к тем, кто эти должности занимал.

— Ты что делаешь? — спросил епископ, видя, как кучер нагнулся за винтовкой. — Я велел тебе ехать дальше.

— Но, ваше преосвященство! Там дети!

Кучер бросил поводья и торопливо приставил к плечу винтовку. Времени на один-два выстрела ему хватит. Надо попытаться.

Епископ посмотрел на другой берег, увидел Поля и Муссу и сразу узнал ребят, потому что одежда Муссы отличалась от одежды других детей. И вообще, этот Мусса был не похож на других детей, а его семья отличалась от прочих семей. Епископа злило все, что касалось де Врисов. Особенно мать Муссы — эта безбожница, при одной мысли о которой у епископа вскипала кровь. Дьяволица, молящаяся ложным богам и не пожелавшая обратиться в христианство. Пока она придерживается языческих верований, ее брак с графом не может быть освящен Церковью. Сука — вот кто она. Сука, посмеявшаяся над ним в его же епархии. Она насмеялась над ним перед священниками, кюре и даже викариями. Она насмеялась над ним перед Богом, глядя своими иноземными глазами и кривя рот в ухмылке. И ее отказ смириться, покаяться, оставить грешные привычки и принять Господа Иисуса Христа был не чем иным, как насмешкой над епископом. Она относилась к нему с безразличием, а порой и со злорадством, что тоже являлось насмешкой. Всякий раз, когда епископ видел эту язычницу или кого-нибудь из де Врисов, у него тряслись руки и багровело лицо.

«Да, — подумал епископ. — Этого мальчишку я знаю очень хорошо».

Кучер плотнее прижал винтовку к плечу и стал прицеливаться.

— Опустит винтовку!

— Как же можно, ваше преосвященство?

Наверное, он ослышался. Кучер выпрямился на сиденье, прищурился и поймал кабана в прорезь прицела. Выстрел будет не из легких, но вполне осуществимым.

— Я сказал, опустит винтовку! Не стреляй! Лошадей напугаешь.

Внутри кучера нарастала паника. Наверное, ему померещилось. Как не стрелять, если кабан того и гляди налетит на мальчишек?

— Лошадей? — ошеломленно повторил кучер. — Ваше преосвященство, так он же их растерзает! Времени совсем не остается!

— Да исполнится Божья воля, — ответил епископ.

— Но они же дети! — умоляюще воскликнул кучер.

Винтовка по-прежнему упиралась ему в плечо, и он еще мог выстрелить, однако палец сполз со спускового крючка. Кучер хорошо знал эту интонацию в голосе епископа. Дальнейших препирательств хозяин не потерпит.

— Да, они дети. Господь самым пристальным образом наблюдает за своими чадами. — Епископ бесстрастно смотрел на трагедию, разворачивающуюся в полусотне метров от его кареты. Понизив голос до шепота, он продолжил: — Но не заблуждайся, ибо перед тобой только одно чадо Божье. Только одно. И Бог его спасет. Второй — ублюдок, полукровка, сын греха. И сейчас за ним явился дьявол.

Кабан ударил Муссу в бок, и мальчик взлетел в воздух, словно подушка епископской кареты. С другого берега не донеслось ни звука. Все это разворачивалось в тишине. Кучер застонал и перекрестился. Ствол его винтовки опустился.

Епископ полез в корзинку за новым куском цыпленка.

То был знак. Явился кабан. Здоровенный, с клыками и раздвоенными копытами.

Граф находился в дальнем конце озера, когда услышал крик. Окликая ребят по имени, он мчался во весь опор. Крик заставил его изменить направление. Анри выхватил пистолет, ругая себя за то, что не взял винтовку. Он хорошо знал свои владения. Годами никто не видел, чтобы кабан так близко подходил к Парижу. И тем не менее граф продолжал ругать себя за беспечность и неподготовленность. Не важно, на каком расстоянии отсюда находится Париж. Здесь лес, а в лесу хватает сюрпризов, в том числе и смертельно опасных, если окажешься застигнутым врасплох. Он столько лет учился сохранять бдительность в любой обстановке и хоронил тех, кто забывал об этом правиле. И вот теперь за его глупость Мусса может поплатиться жизнью.

Боже, только не мой сын!

Из-за деревьев Анри были видны вырубка, кабан и раскидистый дуб. Где же дети? Кабан начал бегать вокруг дуба. Подъехав ближе, Анри увидел неподвижную фигурку Муссы, распростертую на зем-